

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
Т Р Е Т Ь Я
и
ЧЕТВЕРТАЯ

Г О С Л И Т И З Д А Т

19 * МАРТ-АПРЕЛЬ * 40

Архив А. П. Чехова¹

Когда Чехов, кончив гимназию, приехал в Москву, чтобы поступить в университет, он привез с собой из Таганрога небольшой личный архив: письма к нему родителей, братьев, родственников, товарищей. Уже девятнадцатилетним юношей Чехов необыкновенно бе-

¹ Архив А. П. Чехова. Аннотированное описание писем к А. П. Чехову. Вып. I. Составил Е. Э. Лейтнеккер. Общая ред. Н. Л. Мещерякова. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. Соцэкгиз. М. 1939. 115 стр. Тираж 1 500. Ц. 6 р. 80 к.

режно относился ко всякому полученному им письму — даже и в том случае, если это письмо представляло собой записку, набросанную на клочке бумаги. Такое отношение к получаемой корреспонденции сохранилось у Чехова на протяжении всей его жизни. В результате у Чехова накопился огромный архив — более 7 тысяч писем.

Нам кажется, что это исключительно бережное отношение Чехова к письмам своих корреспондентов отнюдь не является случайной, как бы механически усвоенной жизненной привычкой, проявлением одного только педантизма в бы-

ту (а надо сказать, что педантизм в быту был в известной мере присущ Чехову). Дело здесь в ином. Во-первых, беречь все письма заставляло необыкновенно развитое в Чехове чувство уважения ко всякой человеческой личности. К этому безотчетному этическому элементу позже, когда Чехов стал пробовать свои силы в литературе, прибавился элемент вполне сознательный: интерес к получаемым письмам как к человеческим документам, как к ценному источнику тем, сюжетов, образов и отдельных штрихов. Чехов не только читал и хранил получаемые им письма, но, если позволено так выразиться, наблюдал письма, извлекая из них нужный ему как писателю материал, точно так же как наблюдал он живую действительность вокруг себя.

Мы не говорим уже о тех довольно многочисленных письмах 1881—1886 гг., в которых корреспонденты сообщали различные факты или предлагали те или иные темы, имея уже непосредственно в виду писательские интересы Чехова. Таковы, например, письма поэта Л. Пальмина, В. В. Билибина, д-ра Коробова, отчасти письма Александра Чехова из провинции. Особенно богаты разного рода литературным материалом письма Билибина. Совершенно естественно, что подобные письма Чехов хранил в качестве своеобразных «записных книжек со стороны».

Наконец, еще позже, когда Чехов приобрел известность, и в числе его корреспондентов оказались виднейшие представители русской литературы, искусства, науки и общественности — естественно, что к прирожденному чувству уважения к человеческой личности и профессиональному интересу к человеческим документам прибавилось сознание объективной ценности накапливаемого эпистолярного материала. И в самом деле, среди корреспондентов Чехова мы находим таких писателей, как Д. В. Григорovich, В. Г. Короленко, А. М. Горький, А. И. Куприн; таких деятелей русского искусства, как И. И. Левитан, П. И. Чайковский, В. Ф. Комиссаржевская, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, К. А. Варламов, В. Н. Давыдов, Л. А. Сулержицкий, А. И. Сумбатов-Южин; таких ученых, как М. М. Ковалевский и Г. И. Россолимо; таких публицистов и общественных деятелей, как Н. К. Михайловский и А. Ф. Кони. Многие из этих писем бесспорно важны и интересны не для одних исследователей жизни и

творчества Чехова, а для всех, кто обращается к первоисточникам, рисующим дореволюционное русское прошлое, духовную жизнь страны в конце XIX и начале XX веков.

Но архив Чехова представляет своеобразный интерес еще и письмами другого рода — письмами «маленьких» людей. Таких писем в чеховском архиве очень много.

Было бы очень заманчиво произвести «всечеховскую перепись», составить полный список действующих лиц чеховских произведений, своего рода справочную книгу чеховской России. Такая работа с полной наглядностью показала бы, как на самом деле велик был писательский диапазон Чехова, какое огромное множество людей самых различных классов, сословий, профессий, возрастов и национальностей описал Чехов в своих рассказах, повестях и пьесах. Чехов — один из самых энциклопедических писателей, и если в этом смысле сравнивать его с таким широко охватывающим жизнь писателем, как Мопассан, то преимущество, и притом весьма значительное, останется на стороне Чехова.

Знакомство с архивом Чехова прежде всего напоминает об этом жизненном диапазоне писателя, о сложной сети наблюдательных постов Чехова-писателя, о многообразии тех путей, по которым притекал к Чехову сырой материал.

Наряду с писателями, артистами, художниками, учеными, журналистами, военными, врачами мы находим в архиве Чехова письма сельских учителей, крестьян, фабричных работников, железнодорожников, бондарей, половых, конторщиков, артельщиков, фельдшеров, полуграмотных таганрогских обывательниц и т. д. — людей, связанных с Антоном Павловичем то далеким родством, то старой дружбой таганрогских лет, то случайным знакомством, а то и вовсе ему неизвестных. В этих письмах, приходивших к Чехову из деревень, глухих уездных городков, с железнодорожных полустанков, столичных окраин, заключены подчас факты, поистине драгоценные для всякого, кто стремится понять Чехова в живом историческом окружении, постигнуть чеховское творчество на конкретном фоне эпохи.

Особое место в архиве Чехова занимают письма к Антону Павловичу читателей. Они весьма многочисленны. Характерной чертой большинства писем является указание на то, что творчество Чехова непосредственно входило в лич-

ную жизнь читателей. В то время как часть профессиональной критики преследует Чехова упреками в случайности его наблюдений и в равнодушном отношении к русской жизни, массы видят в Чехове писателя, который нашел совершенно новый доступ к сознанию читателей, сломал какие-то перегородки, отделявшие искусство от жизни. Излишне говорить, что правы были читатели, а не профессиональные критики.

Если письма Чехова были бы изданы вместе с письмами к нему, в нашем распоряжении оказалась бы своеобразная энциклопедия русских настроений конца XIX и начала XX вв., разумеется, полная больших пробелов, но зато изложенная в живой, непринужденной эпистолярной форме. Но такое издание составило бы не один десяток томов; при нынешних ограниченных издательских возможностях — это дело будущего. Пока что Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, где хранится архив Чехова, приступила к изданию аннотированного описания писем к Чехову — говорим, приступила к изданию, ибо пока что выпущено описание только части писем к Чехову — а именно писем корреспондентов от буквы «А» до буквы «К» включительно.

Перед нами своего рода проспект будущего полного, двустороннего издания чеховской переписки. И надо сказать, что хотя этот проспект является только аннотированным каталогом, сухим справочным пособием для исследователей, работающих над чеховским архивом, читается он с большим интересом: обозрение архивных документов превращается в своеобразное напоминание о некоторых важнейших чертах Чехова — писателя и человека.

Составителем книги Е. Э. Лейтнеккером проделана большая работа. Но, к сожалению, книге прежде всего не хватает определенной системы. Так, например, в одних случаях составитель снабжает свои аннотации замечаниями литературоведческого характера, в других, столь же оправданных случаях они совершенно отсутствуют.

И в самом деле, если в аннотации писем А. С. Киселева проводится линия от жизни обитателей бабкинской усадьбы к мотивам «Вишневого сада», почему же в таком случае в аннотации скажем, писем Кравцовых не проводится линия от жизни обитателей степного хутора к мотивам «Печенег»?

Таких невычерченных линий, нескрытых связей чеховского творчества с

жизненными впечатлениями писателя осталось очень много. И это досадно: ведь письма к Чехову тем особенно и интересны, что они отражают тот сырой материал, который Чехов подвергал сложной художественной переработке.

Далеко не всегда в аннотациях отмечено самое важное и характерное. Возьмем для примера аннотации писем В. В. Билибина, данные составителем довольно подробно. Самое важное в этой переписке — это бесспорно темы, которые выдвигал Билибин перед Чеховым. Билибин был писателем мало талантливым и, главное, очень робким, но это был человек подлинной любви к литературе и тонкого критического чутья. Среди сотрудников различных юмористических изданий Билибин был для Чехова чуть ли не единственным настоящим авторитетом, настоящим другом по искусству, а не только коллегой по ремеслу. Роль Билибина в деле воспитания чеховского таланта безусловно значительна. В существующей литературе отмечались уже некоторые рассказы Чехова, написанные на билибинские темы (например, «Гриша»). Но число этих чеховских рассказов на билибинские темы было значительно больше. Так, например, превосходные рассказы «Знакомый мужчина» и «Первый дебют» также подсказаны Чехову Билибиным. В работе Е. Э. Лейтнеккера это совсем не отмечено.

Отсутствие систематичности в работе сказывается и в степени подробности, с какой даны аннотации. В то время как некоторые письма таких корреспондентов, как трезвостепенный литератор Н. М. Ежов, аннотированы, пожалуй, с излишней обстоятельностью, содержание писем таких корреспондентов, как, например, И. А. Бунин, А. В. Амфитеатов, К. А. Варламов, или вовсе не передается, или же передается слишком уж скупо. Например, о письме К. А. Варламова сказано: «Об отношении кор-та к Чехову». Разумеется, для специалиста, который пользуется рецензируемым изданием, работая над архивом Чехова, этого, может быть, и достаточно: он возьмет самое письмо и прочтет его, чтобы узнать, каково же это «отношение кор-та к Чехову». Но ведь не для одних только специалистов, имеющих непосредственный доступ к архиву Чехова, издана эта книга. Она должна быть полезной для всякого интересующегося творчеством Чехова, она должна быть не только каталогом.

На некоторых письмах имеются по-

метки самого Чехова. Иные из них представляют большую ценность: достаточно указать, что на письме литератора В. И. Библикова имеется ряд черновых набросков Чехова, по своему характеру сходных с материалом чеховских записных книжек. Эта дополнительная страничка к знакомым уже записным книжкам доставляет читателю подлинное наслаждение.

На письме Л. Я. Гуревич Чехов сделал следующую запись: «у Кербалая русская сожительница Лопущина. Имеет от нее трех детей». Такого рода материалы требуют литературного комментария. Эта запись, очевидно, относится к «Дуэли». Но так как «Дуэль» впервые напечатана в 1891 г., а письмо Л. Я. Гуревич датировано 1893 годом, то, по видимому, эту «заготовку» Чехов сделал, имея в виду новую редакцию повести.

На письме С. П. Дягилева Чехов набросал несколько рядов цифр. Е. Э. Лейтнекер, указывая, что эти цифры являются записью хронологического порядка прозы Чехова в первом 10-томном собрании его сочинений у А. Ф. Маркса, подчеркивает, что запись «представляет исключительный интерес». Мы с этим совершенно согласны, но именно поэтому следовало прежде всего выяснить, соответствует ли записанный Чеховым хронологический порядок тому хронологическому порядку, который имеется в указанном издании А. Ф. Маркса. Это составителем не сделано. Между тем порядок — не соответствует (укажем хотя бы на том IV: Чехов указывает 1885—1888 годы, в то время как в IV том были включены произведения, написанные после 1888 года).

В аннотации писем к Чехову сельской учительницы А. И. Анисимовой только отмечается набросанный на них черновик заявления Чехова о сложении с себя обязанностей попечителя Чирковского и Талезского училищ, но думается, что следовало бы привести самый текст: пора к каждой чеховской строке относиться так, как относимся мы к каждой строчке Пушкина, — то есть как к огромной ценности.

Рецензируемое издание носит в основном справочный характер. Именно поэтому точность во всех частностях здесь особенно важна. Однако в книгу все же вкрались кое-какие ошибки и промахи. Укажем на некоторые из них.

Среди корреспондентов Чехова был Гавриил Кравцов, казак, владелец хутора в Рагозиной Балке. Письма Г. Крав-

цова к Чехову весьма любопытны, ибо они хорошо раскрывают тот жизненный материал, который лег в основу чеховского рассказа «Печенег». В одном из писем Гавриил Кравцов пишет Чехову: «Вы много нас обяжете, добрейший Антон Павлович, ежели заедете посетить нас, я бы с Вами немало поспорил бы относительно нововведений и новых порядков в управлении народом. Чтоб им пусто было, разорили в конец, хоть беги из России, никакой нет возможности жить честным трудом, распустили народ до дикости, кто что попало берет, тащит, как свое и безнаказанно»¹.

В этих строках нетрудно узнать чеховского отставного казачьего офицера Лопухина с его склонностью к пространным рассуждениям о прогрессе, народе и т. д.

В работе Е. Э. Лейтнекера об этом корреспонденте сказано следующее:

«Кравцов, Гавриил Парфентьевич, к нему перешел во владение дом Чеховых в Таганроге...»

Во-первых, Кравцова звали Гавриилом, но не Парфентьевичем. Во-вторых, дом Чеховых в Таганроге купил не он, а родственник его Селиванов, которого как раз и звали Гавриилом Парфентьевичем. Кравцов и Селиванов здесь явно спутаны, между тем роль Селиванова в судьбе Чехова и всей чеховской семьи настолько значительна, что отличает его от других эпизодических фигур чеховской биографии, хотя бы и носящих то же самое имя.

А. Д. Дросси назван одноклассником Чехова по Таганрогской гимназии. Это неверно: Дросси учился с Чеховым в одной гимназии, но в разных классах.

Подчас неточно приводятся названия чеховских рассказов (мы имеем в виду не те случаи, когда их упоминают сами корреспонденты Чехова, а когда их упоминает составитель книги): например, вместо «В ссылке» — «Ссылка».

В предисловии указывается, что из писем к А. П. Чехову членов его семьи и родных в распоряжении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина имеются только письма Ал. Чехова. Это не совсем точно, — укажем хотя бы на имеющиеся в распоряжении библиотеки письма к Чехову его матери Евгении Яковлевны, не говоря уже о письмах к Чехову Г. М. Чехова и некоторых других родственников.

Двум корреспондентам — М. Андреевой из Милана и Ю. И. Андреевой из

¹ Публикуется впервые.

Алушты приписаны письма совершенно одинакового содержания: очевидно, здесь допущен какой-то корректорский надзор, способный вызвать недоумение читателя.

Следует отметить также, что аннотации пестрят тяжелыми оборотами речи. Вот несколько примеров:

«Билибин женится в этом году, и денежные расчеты особенно заостряются под углом зрения этого личного события». «Линия вовлечения Чехова в издания «Посредника»... «Письма Дроздовой... передают настроение и фактический материал о жизни в этой писательской усадьбе»... «Переписка связана почти исключительно с участием Чехова в развертывании культурной жизни Таганрога».

В одном недавно опубликованном письме к А. С. Суворину Чехов, говоря о бюрократическом языке, зло насмехается над пристрастием к употреблению без всякой надобности различных канцелярских оборотов. Если всякая посвященная литературе работа должна быть написана по возможности простым и ясным языком, то тем более это относится к работе, посвященной такому писателю, как Чехов. Просто обидно думать о том, что, скажем, внимание Че-

хова к нуждам родного города есть «участие Чехова в развертывании культурной жизни», а знакомство Чехова с О. П. Кундасовой есть не просто знакомство, «бытовые отношения»! Нет, не хотим мы, чтобы биография Чехова покрывалась бы ржавчиной канцеляризмов и наукообразных терминов!

Надо надеяться, что при издании второго выпуска будет соблюдена большая систематичность, а самые аннотации будут изложены более простым и ясным языком.

Но одновременно с этим пожеланием хочется поставить перед Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина вопрос об издании не только описания архива А. П. Чехова, но и самого архива. В самом деле, если трудно при нынешних ограниченных бумажных ресурсах осуществить издание всех материалов чеховского архива, то почему же не издать сборник наиболее интересных писем к Чехову — избранных писем к Чехову писателей, артистов, художников, ученых, общественных деятелей и т. д.? Идея такого сборника напрашивается сама собой. И ее необходимо осуществить в самом ближайшем будущем.

А. Роскин